

Услышав это, Е Чжицю поднял глаза и на мгновение встретился взглядом с Цинь Цзяньхэ, затем опустил их и начал играть ложкой с оставшейся в его тарелке креветкой. Стул напротив сдвинулся, издав легкий звук. Мужчина встал и снова пошел на кухню. Через некоторое время он вышел с двумя чашками кофе, одну из которых поставил перед парнем.

— Прошлой ночью плохо спал, — сказал он. — Выпьешь?

— Сахар положил? — спросил Е Чжицю.

— Один кусок, — Цинь Цзяньхэ опустил глаза и посмотрел на него. — Достаточно?

— Еще два, — без стеснения сказал собеседник. Креветка была брошена, он начал размешивать кофе ложкой.

— Хорошо, — Цинь Цзяньхэ рассмеялся и снова вернулся на кухню.

Вскоре он вернулся с маленьким блюдцем, на котором лежали два кусочка кускового сахара и несколько штук шоколадного печенья.

— Если любишь сладкое, — Цинь Цзяньхэ улыбнулся, — то, возможно, тебе понравится и это.

Е Чжицю на самом деле очень любил сладкое, но все же, держась с достоинством, он взглянул и сказал:

— Нормально.

Хотя он сказал «нормально», Цинь Цзяньхэ все равно улыбнулся:

— Хорошо, что нравится.

Е Чжицю: ...

Ладно, в конце концов, он действительно очень любил сладкое. Юноша взял маленькие щипчики, положил кусочки кускового сахара в чашку с кофе и взял печенье, отправив его в рот. Насыщенный шоколадный аромат взорвался во рту, он поднял глаза:

— Ты тоже ешь сладкое?

— Не слишком много, но иногда, когда утром не успеваю нормально поесть, съем пару штук, чтобы восполнить энергию. — Цинь Цзяньхэ сделал паузу, словно вопрос показался ему забавным, и добавил: — У каждого есть свои предпочтения. У меня тоже.

— Например, розы? — спросил Е Чжицю, повернув голову и посмотрев на розу в фоторамке на подоконнике.

Видя его любопытство, Цинь Цзяньхэ встал, взял фоторамку и поставил ее перед ним.

— Так лучше видно, — сказал он с улыбкой.

Е Чжицю взял ее в руки. Рамка была очень чистой, почти без единой пылинки, но розы всегда выглядели одинаково, он не мог отличить эту от тысяч других. Лучше бы живые, подумал он, по крайней мере, цвет был бы ярче, и можно было бы почувствовать аромат.

— Кроме роз, что еще нравится? — Ему было действительно любопытно узнать о предпочтениях такого успешного человека, как Цинь Цзяньхэ. — Может, боевые искусства?

— Боевые искусства — это просто способ расслабиться, снять стресс и избыток энергии, — тот улыбнулся. — Если уж на то пошло, можно считать это хобби.

— Значит, игра-головоломка тоже для снятия стресса? — Е Чжицю усмехнулся.

Увидев яркие игрушки, он чуть не подумал, что у Цинь Цзяньхэ дома прячется ребенок.

— Да. Одно для тренировки ума, другое для тела.

Сказав это, он вдруг многозначительно посмотрел на Е Чжицю. Прошлой ночью в постели юноша царапался и кусался, как маленький котенок без зубов.

— Еще люблю кошек, — сказал он.

— Эй, — Е Чжицю рассмеялся. — Кроме боевых искусств, все твои остальные увлечения совсем не соответствуют твоему холодному образу властного президента.

Он поставил чашку:

— Никому, кроме меня, не говори об этом, ладно? Слишком портит имидж, — он сморщил нос и с улыбкой поддразнил.

— Хорошо, — Цинь Цзяньхэ рассмеялся и тоже поставил чашку. — Пойду переоденусь.

Сейчас он был одет в домашнюю одежду, выглядел молодо и жизнерадостно, ничем не отличаясь от обычного студента.

— А ты? — Он встал и посмотрел на Е Чжицю сверху вниз. — У меня есть одежда, которую я носил в юности, кое-что должно тебе подойти.

— Я уже переоделся, — Е Чжицю опустил голову и потянул на себе кашемировый свитер. Размер был как раз, и от него исходил легкий цветочный аромат стирального порошка. Он вдруг понял: — Это тоже из твоей юности? Со сколько лет?

— Лет с пятнадцати-шестнадцати, — Цинь Цзяньхэ поджал губы и не смог сдержать смех.

Е Чжицю: ...

Злиться было бесполезно, он поджал губы и сдержался.

— Нам, обычным людям, достаточно каждый день менять нижнее белье, зачем быть таким щепетильным, как господин Цинь, и каждый день переодеваться с ног до головы?

Все же не удержался от сарказма.

— С ног до головы... — Цинь Цзяньхэ тихо повторил и посмотрел на него с каким-то странным выражением.

Е Чжицю: ...

Неизвестно почему, но парень мгновенно понял, о чем тот думает.

— Эй, — притворно храбрился он. — Не смей хулиганить.

Цинь Цзяньхэ ничего не сказал, но его кадык непроизвольно дернулся. Он опустил глаза на особенно красные и нежные губы Е Чжицю.

Мгновение спустя он слегка наклонился и нежно коснулся его губ.

— Знаю, — сказал он хриплым голосом, инстинктивно раздвигая его зубы.

Е Чжицю: ...

Знаешь, но все равно делаешь? Это что, намеренная провокация?

Размышляя об этом, он все же послушно поднял лицо, инстинктивно подстраиваясь под ритм Цинь Цзяньхэ. Поцелуй закончился, и мужчина наконец выпрямился. Он слегка опустил глаза,

подушечкой пальца несильно надавил на влажные губы Е Чжицю, его голос был слегка хриплым:

— Подожди меня, я переоденусь.

Е Чжицю поджал губы и еще некоторое время сидел за обеденным столом, почему-то чувствуя жар в лице.

Да к черту! Какой из Цинь Цзяньхэ холодный и отстраненный человек?

Он просто помешан на поцелуях.

Однако, образ «помешанного на поцелуях» еще не успел укрепиться, как Е Чжицю снова изменил свое мнение. Потому что Цинь Цзяньхэ очень быстро переоделся и вышел.

Идеально сидящий светло-серый костюм еще больше подчеркивал его и без того безупречную фигуру. Широкие плечи, узкая талия, высокий рост, длинные ноги. Особенно эта талия...

Е Чжицю поджал губы, невольно вспомнив очертания упругих мышц, покрытых тонким слоем пота, которые он видел прошлой ночью в тусклом свете. Кончик его носа онемел, и он инстинктивно отвел взгляд, боясь, что у него пойдет кровь из носа.

— Е Чжицю, — позвал его Цинь Цзяньхэ, протягивая ему галстук. — Умеешь завязывать галстук?

Юноша еще не слышал, чтобы какой-нибудь модельер не умел завязывать галстук, этот человек наверняка делает это нарочно.

— Нет, — ответил он.

— Завяжи мне галстук, — рассмеялся Цинь Цзяньхэ.

Е Чжицю: ...

Чувство соперничества снова вспыхнуло в нем, он был очень принципиален.

Почему он должен завязывать галстук Цинь Цзяньхэ?

Даже если это и игра, он не хотел.

Это же не настоящие отношения.

Видя его хмурое лицо, Цинь Цзяньхэ подошел и встал рядом с ним. Солнечный свет падал на его руку, держащую галстук, пальцы были длинными, с четкими костяшками, и именно из-за того, что они были такими сильными, то, как он небрежно держал галстук, выглядело еще более сексуально.

Е Чжицю: ...

Он невольно снова вспомнил некоторые сцены прошлой ночи.

Черт!

Он уже собирался выругаться, когда насмешливый голос Цинь Цзяньхэ вдруг раздался над его головой.

— Умоляю тебя, пожалуйста, — тихо сказал он.

Е Чжицю: ...

Е Чжицю встал и взял галстук.

— Как умоляешь? — спросил он.

— Как хочешь, — сказал Цинь Цзяньхэ, опуская глаза на то, как ловкие белые пальцы завязывают галстук.

Е Чжицю наклонил голову, подумал и не смог придумать, какое желание загадать.

— Считай, что ты мне должен, — сказал он. — Когда придумаю, я тебя хорошенько помучаю.

Цинь Цзяньхэ словно рассмеялся, но ничего не сказал. Е Чжицю опустил глаза, поджал губы и старательно завязал галстук, чувствуя на себе пылающий взгляд.

Кто сказал, что Цинь Цзяньхэ ничего не умеет?

Да он слишком хорош!

Хорошо, что сегодня здесь он, иначе кто бы это выдержал?

Если бы это был Ли Лин...

Е Чжицю представил это, и картина сразу стала непристойной.

— Подожди, мне нужно выйти из машины раньше, — сменил он тему.

— Выйдешь, когда в подземном гараже никого не будет, — сказал Цинь Цзяньхэ.

— Нет, так не пойдет, — сказал Е Чжицю. — Я честный человек, не хочу жить в страхе. За сто метров до въезда, — подумал он. — За сто метров есть бар, утром там никого нет, машина остановится у дверей, никто точно не увидит.

Цинь Цзяньхэ промолчал и взял со спинки стула пальто на тон темнее костюма, накинул его на плечи. Почему-то Е Чжицю почувствовал, что его аура и давление сразу усилились. Однако тон его голоса не изменился.

— Оденься, — сказал Цинь Цзяньхэ, протягивая ему пуховик, шарф и вязаную шапку.

Е Чжицю промолчал и послушно оделся. Когда он наклонил голову, чтобы завязать шарф, кто-то вдруг слегка надавил ему на голову, Цинь Цзяньхэ надел на него шапку. Затем он слегка наклонился и убрал пряди волос со лба и ушей юноши.

Пальцы Цинь Цзяньхэ были теплыми, когда они нежно скользили по его ушам и щекам, в этом не было никакого сексуального подтекста, только тепло и спокойствие.

У Е Чжицю невольно возникла иллюзия, как будто он все еще ребенок. Перед тем, как позавтракать и пойти в детский сад, родители заботливо поправляли ему одежду. Это чувство было незнакомым, и он невольно вспомнил свое детство.

Тао Жоцин всегда покупала ему много красивой одежды, но ни разу, ни когда он надевал обувь не на ту ногу, ни когда путал пуговицы, никто не поправлял его. Позже, когда воспитательница в детском саду видела это много раз, она стала специально напоминать ему, терпеливо присаживалась рядом и учила его снова переобуваться или поправлять одежду. Поэтому, когда он учился в детском саду, он стал первым ребенком, который сам научился хорошо одеваться. И за это его часто хвалили и награждали воспитатели.

Но позже он заметил, что когда Е Чжися пошел в детский сад, Тао Жоцин очень терпеливо помогала ему одеваться: надевала шапку, варежки, завязывала шарф, зашнуровывала ботинки...

Теперь, оглядываясь назад, он думал, что, возможно, это тоже было частью плана Тао Жоцин по подрыву его чувства безопасности, способом манипулировать им.

Или же она просто не обращала на него внимания и поэтому никогда не замечала, что он когда-то надевал обувь не на ту ногу или путал пуговицы?

Тогда почему Цинь Цзяньхэ так внимателен и заботлив?

Е Чжицю был немного рассеян, так что, когда мужчина взял его за руку и повел к выходу, он не сразу отреагировал. Только когда они вошли в лифт и он увидел в зеркале лифта, как Цинь Цзяньхэ одной рукой держит его за руку, а другой несет его рюкзак, парень пришел в себя.

Он незаметно вытащил свою руку из ладони Цинь Цзяньхэ:

— Ты так делаешь, будто родитель провожает малыша в детский сад.

— Признаёшь себя малышом?

Цинь Цзяньхэ опустил глаза на него, в низком голосе слышалась лёгкая улыбка.

— В крайнем случае, старшим братом, — сказал Е Чжицю. — Ты тоже не намного старше меня.

— Шесть лет, — сказал Цинь Цзяньхэ.

И добавил:

— Вчера ты называл другого братом.

Е Чжицю: ...

Кого он назвал братом? Почему Цинь Цзяньхэ несёт такую чушь?

Только хотел возмутиться, как Е Чжицю вдруг вспомнил. Вчера, разговаривая по телефону с Ци Синем, он действительно с сарказмом бросил фразу: «Моя карьера, моя работа — все это неважно, я должен угождать тебе, братец?»

Это тоже считается, что он назвал кого-то братом?

Как раз в этот момент лифт спустился в подземный паркинг. Е Чжицю бесцеремонно выхватил свой рюкзак из рук Цинь Цзяньхэ и молча вышел первым.

Цинь Цзяньхэ слегка улыбнулся и последовал за ним.

В рабочее время в центральном деловом районе всегда пробки. Вчера дорога заняла всего десять минут, а сейчас они ехали уже полчаса. С горем пополам добрались до входа в бар. Е Чжицю указал Цинь Цзяньхэ припарковать машину у обочины. Затем он, словно вор, огляделся по сторонам и быстро выскочил из машины.

Всего сто метров – Е Чжицю быстро дошёл до входа в компанию. Переходя дорогу, он невольно оглянулся. Машина Цинь Цзяньхэ всё ещё стояла недалеко от бара, застряв в плотном потоке машин, не имея возможности двинуться с места.

Неизвестно почему, но он вдруг радостно рассмеялся. Казалось, прошло очень много времени с тех пор, как он чувствовал себя так легко.

<http://bllate.org/book/14243/1258076>